

Сергей Вараксин

АЗБУКА МОРЗЕ

"Дверь выбили. - Александр Иванович, Александр Иванович! — заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было". (*Защита Лужина, В.В.Набоков*)

У Иван Иваныча Лужина умерла жена и сгорела лампочка. Именно в такой последовательности, это важно.

Жена Иван Иваныча Нина Петровна Маленькая скончалась в октябре, не дотянув ровно сорока дней до своего семидесятипятилетия. Сегодня был день девятый, и Иван Иваныч сидел с рюмочкой на кухне, когда в туалете что-то бабахнуло. Он прошаркал из кухни в коридор и сначала зачем-то заглянул в ванную, а только потом в туалет. От лампочки остался патрон с двумя тонкими, торчащими, как усы, проводками, а по всему полу валялись мелкие хрупкие стекла. Иван Иваныч вздохнул и побрел на кухню за веником.

Когда он закончил уборку, за окном совсем стемнело. Иван Иваныч сел за стол и долго смотрел на свое отражение. Вдруг перед ним вспыхнул свет и погас. Потом снова. Иван Иваныч оглянулся — свет шел из двери, которую он оставил открытой. Иван Иваныч осторожно заглянул в туалет и посмотрел на сгоревшую лампочку. Между двумя проводками, с легким шипением, пробежала светящаяся дуга. Длинная, затем короткая, затем опять длинная. Иван Иваныч смотрел на вспыхивающие в какой-то странно знакомой последовательности огоньки, и дрожь догадки пробежала по его телу. — Это ты, Нина? — спросил он в страшном волнении. Лампочка радостно вспыхнула долгим сияющим огнем, потом быстро-быстро засверкала вперемешку короткими и длинными вспышками. Ноги перестали держать Иван Иваныча, и он сел на край унитаза.

Иван Иваныч и Нина Петровна познакомились в далеком 1942 году в школе радистов. Иван Иваныча так и звали — Иван Иваныч, а Нину Петровну — Нина Маленькая, потому что была еще и Нина Большая. Простоватому деревенскому Иван Иванычу очень понравилась уверенная в себе крепенькая белобрысая коротышка с двумя тонкими, еле заметными усиками над верхней губой. А коротышке очень нравилось командовать Иван Иванычем. Их забросили в леса под Оршу, и почти два года Иван Иваныч и Нина Маленькая общались, отстукивая точки-тире, а сразу после освобождения Белоруссии поженились и больше никогда не расставались друг с другом.

Нина Петровна уверенно руководила семейной жизнью, а Иван Иванович с радостью отдался в руки своей толстушке. Детей у них не было. Все положенные им подзатыльники, нравоучения и придирки получал Иван Иванович. Он не роптал, инфантильный и слабохарактерный, Иван Иванович с радостью перекладывал любые решения на плечи своей жены и с удовольствием выполнял приказы. Когда ее вдруг не стало, он сломался. Все вопросы, связанные с похоронными мероприятиями, взял на себя совет ветеранов. Иван Иванович, как всегда, подчинился течению событий, но теперь, когда все закончилось, он просто не знал, что ему делать. В самом прямом смысле. Он не знал, куда платить за квартиру и сколько платить, где получать пенсию и когда, как готовить яичницу и где брать для нее яйца. Нина Петровна делала за него все, и теперь он был совершенно растерян и подавлен. Иван Иванович никогда не думал, что может остаться один. Сейчас он сидел на краю унитаза и разговаривал с разбитой лампочкой.

— Что делать, Нина? — спрашивал он, и слезы падали с его подбородка прямо на тапочки. — “Точка точка точка... тире точка... точка тире... тире тире тире точка... точка тире... точка тире точка точка... точка тире... точка тире тире точка... тире тире тире... тире точка точка точка... точка тире точка... точка точка... тире... тире точка точка тире... точка точка точка... точка тире точка тире”, — уверенно отстучала лампочка, и Иван Иванович шел в ванную и возвращался через несколько минут побритым.

— Как там вообще, Нина? — спрашивал Иван Иванович. — “Тире... точка точка... точка тире... тире...точка тире... точка... точка... точка... тире... точка... точка... точка... тире... точка... точка... тире... тире... точка... тире... точка... точка... тире... точка... тире”, — ответно мигала лампочка, и Иван Иванович удивленно поднимал брови.

Ивану Ивановичу было велено постирать белье, сходить в магазин за продуктами и пропылесосить ковер в спальне. Иван Иванович быстро выполнил все, вернулся и доложил, как положено. — “Тире... тире... тире... тире... тире... точка... тире... точка... точка... тире... тире... тире... тире... точка... точка... точка... тире... точка... тире... точка”, — похвалила его лампочка, и Иван Иванович лег спать счастливый.

На следующий день Иван Иванович заплатил за квартиру, отнес в собес просьбу о доставке пенсии на дом и отремонтировал ножку у табуретки. Неделя за неделей замелькали, как птицы. Иван Иванович бегал за распоряжениями в туалет, записывая в тетрадку отдельные сложные наказания, переспрашивал подробности, только иногда говорил — Отвернись, Нина, — спускал воду, а потом снова писал, с шумом переворачивая страницы. Иногда лампочка была недовольна Иван Ивановичем, тогда дуга между проводками становилась ярко-красной, громко шипела и мигала с такой частотой, что было трудно разбирать буквы. Иван Иванович просил — Не

сердись, Нина, ну, пожалуйста, я все исправлю — и убежал исправлять, зачеркивая что-то на ходу в тетрадке. — Нина совсем не изменилась, — хихикал он. Жизнь налаживалась стремительно. Иван Иванович был теперь всегда чисто выбрит, рубашки были наглажены, в холодильнике опять появилась еда. Он стал бодр, свеж, у него даже улучшилось пищеварение.

Наступал день семидесятипятилетия Нины Петровны, решено было его отметить. Иван Иванович с утра сбегал в магазин и стал готовиться к празднику. Он накрыл унитаз крышкой, постелил скатерть, поставил цветы в стеклянной вазе. Потом подумал и переставил цветы на сливной бачок, а на их месте появились бутылка грузинского красного вина и две рюмочки. Все было готово. Иван Иванович сказал тост, потом другой. Лампочка благосклонно мигала, смущалась и краснела от удовольствия. Иван Иванович быстро пьянел, махал руками и клялся в вечной любви к Нине Петровне. Он уже давно не пил так много и совсем не помнил, как добрался до постели, разделся и лег спать.

Проснувшись утром, он прямо в трусах побежал в туалет извиняться перед Ниной Петровной за вчерашнее, но лампочка не горела. Два голых проводка сиротливо торчали из оплавившегося патрона. Иван Иванович с надеждой пощелкал выключателем, все было тщетно. Тогда он в отчаянии встал ногами на крышку унитаза и со словами — Нина, прости меня, я больше не буду — поцеловал лампочку.

Через несколько дней Иван Ивановичу принесли пенсию. Иван Иванович не открывал. Соседи сказали, что уже неделю он не выходил из квартиры. Вызвали слесаря из ЖЭКа, тот взломал дверь, все ввалились в квартиру, кричали — Иван Иванович! Иван Иванович!

Но Иван Ивановича больше не было, только в туалете валялись тапочки и тетрадка, исписанная мелким неразборчивым почерком.